

Каленчук Мария Леонидовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
ruslang@ruslang.ru

Фонетика и орфоэпия: статус, объект и задачи двух дисциплин

Для цитирования: Каленчук М. Л. Фонетика и орфоэпия: статус, объект и задачи двух дисциплин. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2020, 17 (4): 571–581. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.405>

Известно, что на звуковом ярусе русского языка сосуществуют две лингвистические дисциплины — фонетика и орфоэпия. Вопрос о соотношении статуса, объекта и задач этих разделов как самостоятельных лингвистических дисциплин является дискуссионным. В работах современных ученых можно обнаружить два основных подхода к определению фонетики и орфоэпии. Одни лингвисты традиционно считают, что оба раздела науки о звучащей речи изучают один и тот же языковой материал, но под разным углом зрения. Другими же предпринимаются попытки разграничить зоны ответственности фонетики и орфоэпии, показав, что они оперируют в принципе разными звуковыми фактами. В статье формулируются и анализируются указанные точки зрения и предлагается новый подход, позволяющий не противопоставлять фонетику и орфоэпию, а объединить их на основе принципа позиционного устройства. Реализация фонемы при действии *орфоэпической закономерности* вероятно предсказывается целым рядом факторов разного характера — фонетическими, лексическими, грамматическими, словообразовательными, графическими, социоязыковыми, которые ранее было предложено называть орфоэпическими позициями. Указанные факторы действуют не изолированно, между ними сложная иерархическая система взаимоотношений. Можно предложить такое описание звукового строя русского языка, при котором произносительные закономерности делятся не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные. Понятия фонетической и орфоэпической позиции можно либо объединить в единое понятие произносительной позиции, либо, сохранив понятия фонетической и орфоэпической позиции, считать первые частным проявлением вторых, что снимает вопрос о различиях между фонетикой и орфоэпией.

Ключевые слова: звучащая речь, фонетика, орфоэпия, нормы произношения.

Поскольку звучащая речь изучается разными лингвистическими дисциплинами и при этом каждая из них выделяет в едином объекте свои аспекты исследования, не всегда удается разграничить зоны действия фонетики и орфоэпии без противоречий. Почему на звуковом ярусе языка (в отличие от других его уровней) действуют два разных типа закономерностей — фонетические и орфоэпические? Вопрос о статусе фонетики и орфоэпии как самостоятельных лингвистических дисциплин является дискуссионным. В чем различие между этими областями знаний и что у них общего?

В самом общем виде **фонетика** — учение о звуковой стороне языка, а **орфоэпия** понимается как совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением значимых единиц языка [Вербицкая 1976].

Но как соотносятся статус, предмет и задачи этих дисциплин? В работах современных ученых можно обнаружить два основных подхода к определению фонетики и орфоэпии. Одни лингвисты традиционно считают, что оба раздела науки о звучащей **речи** изучают **один и тот же языковой материал, но под разным углом зрения**. Другими же предпринимаются попытки разграничить зоны ответственности фонетики и орфоэпии, показав, что они **оперируют в принципе разными звуковыми фактами**. Рассмотрим и сравним эти два подхода.

По мнению одних лингвистов, орфоэпия включает произношение в самом широком смысле слова: Д. Н. Ушаков определял орфоэпию как «правильное произношение» [Ушаков 1995]; Р. И. Аванесов считал, что орфоэпия включает «фонетическую систему языка, т. е. состав фонем, их качество и реализацию в определенных условиях, а также звуковое оформление отдельных слов и грамматических форм» [Аванесов 1979: 185]. При такой трактовке оказывается, что предмет изучения фонетики и орфоэпии в сущности одинаков, орфоэпия выглядит «переименованной» фонетикой, что объясняет параллелизм фонетического и орфоэпического описания, уже ставший привычным в лингвистической литературе.

При этом в некоторых источниках выделяются аспекты, различающие фонетику и орфоэпию при едином объекте изучения. Сформулируем и проанализируем отдельные моменты.

Фонетика выполняет описательную и истолковывающую функцию, орфоэпия — только фиксирующую?

«Орфография может дать почти исчерпывающий список слов языка, указав их общепринятую в течение ряда лет форму; то же самое может быть сделано орфоэпией применительно к произношению. Иных целей эти дисциплины не преследуют» [Скребнев 1961: 142]. Подобные определения подчеркивают, что орфоэпия занимается только констатацией status quo и не должна иметь объяснительной функции.

Сравним два описания, часто встречающихся в учебниках по современному русскому языку, одного из фрагментов системы безударного вокализма:

- 1) В первом предударном слоге после твердых согласных не различаются, нейтрализуются фонемы /a/ и /o/, совпадая в безударном [a] — *тр[á]вы* — *тр[a]* *вá*, *в[ó]ды* — *в[a]* *дá*.
- 2) В русском литературном языке господствует аканье — *тр[á]вы* — *тр[a]* *вá*, *в[ó]ды* — *в[a]* *дá*.

Первое правило относится к фонетике, а второе к орфоэпии. В чем между ними различие? Фонетика не просто фиксирует факт, но и объясняет его, истолковывает. То есть не только отвечает на вопрос, что произносится в том или ином случае, но и говорит, почему это происходит. Орфоэпия же при таком подходе отличается чисто дескриптивным взглядом на звуковые факты и не вдается в вопросы интерпретации.

Фонетика — теоретическая, орфоэпия — прикладная наука?

«Нормировкой практической стороны фонетики... должна заниматься орфоэпия» [Реформатский 1967: 224]. «Фонетика — теоретическая, исследовательская наука, орфоэпия — прикладная дисциплина; фонетика исследует звуковую сторону языка (речи), орфоэпия на основе ее выводов дает практические рекомендации» [Моисеев 1970: 112]. «Есть фонетические законы и есть орфоэпические правила. Орфоэпические правила обращены к массам, а не к одним только филологам. Поэтому эти правила избегают специальных терминов (фонема, позиция, нейтрализация...), они используют общепонятные слова: звуки, буквы» [Панов 1979: 196].

А в чем, по сути, разница между теоретической наукой и ее прикладным, практическим приложением, которым, по мнению многих авторов, и является орфоэпия? Вопрос только в метаязыке описания? При таком подходе орфоэпия выглядит сводом правил устной речи, в котором в переименованном для практического использования виде повторяются теоретические выкладки фонетики. Для таких наук, как математика, физика, химия и т. д., не создается практических приложений, так как они в принципе не обращены к массам, они — удел специалистов. Нормы же орфоэпии обращены к социуму, ее выводы должны быть доступны и понятны всем. Но тогда встает вопрос: а почему для других ярусов языка не создано двух типов описания — теоретической морфологии и практической, теоретического синтаксиса и практического и т. д.?

Многие ученые разводят понятия фонетики и орфоэпии, при этом во главу угла в большинстве случаев ставится идея о нормативности орфоэпии при отсутствии критерия правильности/неправильности в фонетике. Так, например, А. А. Реформатский возражал против понимания под орфоэпией «вообще произношения литературного языка» и выводил орфоэпию за пределы фонетики: «Орфоэпия обозначает раздел, посвященный произносительным нормам. <...> Опираясь на знание фонетики данного языка, т. е. на знание состава фонем и законов распределения их по позициям с получающимися в слабых позициях вариациями и вариантами, орфоэпия дает индивидуальные нормы для разных случаев и выбирает из существующих вариантов произношения то, что более соответствует принятым традициям, тенденциям развития языка и последовательности в системе» [Реформатский 1947: 81]. Л. А. Вербицкая связывала орфоэпию, в отличие от фонетики, с понятием нормы, включая в орфоэпию «нормативную реализацию сегментных единиц (фонем) и суперсегментных единиц (ударение, интонация)» и определяя эту дисциплину как «совокупность произносительных норм национального языка, обеспечивающих сохранение единообразия его звукового оформления» [Вербицкая 1990].

С точки зрения М. В. Панова, к орфоэпии относятся лишь такие произносительные явления, которые допускают вариантность в литературном языке: «орфоэпия — наука, которая изучает варьирование произносительных норм литературного языка и вырабатывает произносительные рекомендации» [Панов 1979: 307]. Этим орфоэпия противопоставляется фонетике, в которой объединяются произносительные закономерности, не знающие исключений.

Несмотря на то что понятием произносительной вариантности широко пользуются в современной лингвистике, необходимо отметить, что эта категория весьма неоднородна и включает в себя различные явления.

Категория вариантности очевидна в тех случаях, когда одни и те же словоформы могут произноситься по-разному: *булочная* — *було[ч']ная* и *було[ш]ная*; *декан* — [д'и^е]кán и [ды^э]кán; *дрожжи* — дрó[ж'ж']и и дрó[жж]и; *жакет* — ж[а]кét и ж[ы^э]кét; *милиционер* — милиц[ыа]нёр и милиц[а]нёр и т. д.

К орфоэпической вариантности относят и те факты, когда в конкретных словах отсутствует возможность различного произношения, но имеются сочетания букв, которые могут произноситься по-разному в разных словах при одних и тех же фонетических условиях, например: *нечто* — нé[ч'т]о, *ничто* — ни[шт]ó; *отличник* — отлй[ч'н']ик, *двóечник* — двóе[шн']ик; *отягáть* — отя[кч']áть, *умягчáть* — умя[хч']áть; *риэлтор* — р[иэ]лтор, *клиéнт* — кл[ијэ]нт; *квартéт* — квар[т'э]т, *кортéж* — кор[т'э]ж.

Относят к орфоэпической вариантности и случаи, когда в слове имеются буквы, обычное значение которых в данной позиции не соответствует произношению в слове, например: *помóщник* — помó[ш]ник; *семьсóт* — се[м]сóт; *близ* — бли[з']гóрода.

Можно ли вообще говорить о вариантности по отношению ко второму и третьему случаю, когда вариантов произношения конкретных слов или морфем нет в принципе? И что общего между тремя разными ситуациями, которые лингвисты традиционно, основываясь на своей интуиции, объединяют под одной орфоэпической «крышей»? Есть фактор, позволяющий связать все три вышеуказанных типа: все морфемы, которым приписывается орфоэпическая вариантность и которые в связи с этим нуждаются в орфоэпическом комментировании, передаются на письме одинаково, несмотря на то что допускают различия в фонемном и фонетическом составе.

Одни исследователи принципиально отказываются видеть какую-либо связь между орфоэпией и письмом: «...орфоэпия существует в языке независимо от наличия или отсутствия письма, и правила орфоэпии можно формулировать безотносительно к написанию слов» [Моисеев 1980: 94]. Другие лингвисты, устанавливая связь между орфоэпией и написанием, обычно сводят орфоэпию или какую-то ее часть к правилам чтения: «Вспомогательным разделом орфоэпии служат так называемые правила чтения, т. е. произносительные указания к чтению букв и их сочетаний в тех случаях, когда письмо и язык не соответствуют друг другу» [Реформатский 1967: 225]. «Строго понимая устную и письменную формы языка как два автономных языковых уровня, необходимо выделять два свода правил: правила о том, как передавать единицы устной речи единицами письменной речи (то, чем должна быть орфография), и правила о том, как передавать единицы письменной речи единицами устной речи (то, чем должна быть орфоэпия) [Николаева 1964: 89].

Итак, можно признать, что к орфоэпии относятся факты, когда одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических условий.

Фонетика формулирует строгие звуковые законы, орфоэпия — намного менее строгие орфоэпические правила?

Фонетика описывает безвариантные реализации фонем, к орфоэпии относят варианты реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии фонетических позиционных различий. При

действии фонетического закона появление того или иного звука является функцией только двух составляющих — заданной фонемы и фонетической позиции, в которой она находится. Так, например, если известно, что шумная звонкая фонема стоит в позиции конца слова перед паузой, этого достаточно для того, чтобы определить, что она реализуется глухим звуком (*ca[d]bí — ca[t], ду[b]bí — ду[п]* и т. д.). Эта закономерность действует в русском литературном языке безусловно, реализация фонемы предсказывается стопроцентно. При действии орфоэпического правила реализация фонемы задается вероятностно, во многих случаях используются слова *чаще, реже, значительно чаще, намного реже* и т. д. Например, описывая возможность реализации гласного в приставке качественно редуцированным или нередуцированным звуком, можно сформулировать, что разные приставки в разной степени способны произноситься с гласным, не подвергшимся редукции. Но если эта звуковая особенность заложена в конкретной приставке, то нередуцированный гласный чаще произносится на значительном расстоянии от ударного слога, в лексически нечастотных и недостаточно освоенных словах, а также под просодическим выделением приставки. В результате статистически представительных экспериментов можно вероятностно определить, как часто будет произноситься рассматриваемый вариант в конкретной приставке. Так, например, в слове *доперестроечный* произношение *д[o]перестрѳечный* зафиксировано в 68 % случаев (гласный в приставке находится в третьем предударном слоге, слово средней частотности), а в слове *довоѳнный* произношение *д[o]воѳнный* всего в 17% (гласный в приставке — во втором предударном в частотном освоенном слове). В обоих случаях анализируемый гласный находился в экспериментальных текстах в позиции отсутствия семантического выделения, т. е. в просодически нейтральном положении.

Фонетика формулирует общие произносительные нормы, орфоэпия — индивидуальные частные случаи, не обусловленные фонетической системой?

Принято считать, что фонетика изучает универсальные звуковые закономерности, не связанные с тем, в каких именно словах или морфемах находятся фонемы. Так, известно, что на конце слова перед паузой звонкие шумные согласные заменяются на глухие. Формулируя это позиционное чередование, необходимо определить, какой звук меняется на какой и в какой позиции. Этого достаточно, и не надо указывать конкретные слова или морфемы, в которых происходит указанная мена.

В орфоэпии может быть иная картина. А. А. Реформатский называл орфоэпию «штучным товаром», так как относил к ней те случаи, когда произношение следует «закону форм» или «закону слов» [Реформатский 1987: 127]. Об этом же говорил и Р. И. Аванесов, относя к орфоэпии звуковое оформление отдельных слов и грамматических форм [Аванесов 1979: 185].

Примером лексикализованности произносительной нормы можно считать, например, обязательное произношение твердого согласного перед фонемой /э/ в слове *купе*, в то время как в слове *купейный* в том же самом корне допустимы и твердый, и мягкий звуки. Другим примером прикрепленности орфоэпического варианта к конкретному слову может служить произношение звуков на месте сочетаний букв *иѳ*: в корнях одних слов перед вторым ударным гласным [j] произносится обязательно (*гигиѳна, клиѳнт*), в других не произносится никогда (*паѳиѳнт, спаниѳль*), в третьих сосуществуют варианты с [j] или без него (*аудиѳнциѳ, диѳта*)

[Касаткин 2014: 228]. Реже орфоэпические варианты закреплены не за словами, а за определенными морфемами, обычно корневыми: в словах *модель*, *модельный*, *моделировать*, *модельщик* и т. д. в корне перед фонемой /э/ употребляется только твердый звук [д], а в словах *демон*, *демонический*, *демонизация* — мягкий [дʲ].

Почему особенности произношения отдельных слов действуют, по мнению многих авторов, «вопреки системе и норме» [Реформатский 1987: 127]? Дело в том, что распределение орфоэпических вариантов в подобных случаях не нарушает никаких произносительных закономерностей, с точки зрения системы перед фонемой /э/ может быть и твердая фонема, и мягкая, и т. д. Другой пример: на месте написания буквосочетания *чн* может произноситься и [ч'н] и [шн] (*коне[ш]но*, *то[ч']но*). Но в литературном языке возможны оба эти сочетания, система не задает критериев, по которым в одних словах [ч'н], а в других [шн].

А что же следует понимать под «законами отдельных форм» в орфоэпии? Сюда обычно относят произношение звуков в прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий* и глаголов на *-кивать*, *-гивать*, *-хивать*, в возвратном постфиксе и т. д. То, что орфоэпия занимается подобными фактами, следует считать скорее данью традиции лингвистического описания, чем сущностью этого раздела науки. С точки зрения фонетической системы на конце слова звук [с] может быть и твердым, и мягким, в связи с чем сосуществование в возвратном постфиксе вариантов произношения (*бою[с]* и *бою[с']*) не определяется звуковой системой. Варианты произношения подобных аффиксов являются не следствием эволюции каких-либо фонетических закономерностей, а изменением чисто грамматическим, ведущим к замене одного словообразовательного или словоизменительного элемента другим.

Фонетика изучает поведение звуков в разных фонетических позициях, а орфоэпия — в одинаковых?

На первый взгляд, это действительно так. Фонетическая закономерность — *в[ó]сны* — *в[и^е]сна́* (под ударением [о], в первом предударном после мягкого согласного [и^е]); *[с]ходи́ть* — *[з]гоня́ть* (в позиции перед глухим — звук [с], перед звонким — [з]). Сравниваются звуки в одной и той же морфеме в разных позициях. При действии орфоэпической закономерности складывается впечатление, что сопоставляются варианты в одной и той же фонетической позиции: *п[о]́эт* — *п[а^в]́эт*, *е[с']ли* — *е[с]ли*. Но при ближайшем рассмотрении это впечатление оказывается обманчивым.

Исследования последних лет показали, что орфоэпический материал, так же как и фонетический, подчиняется позиционному описанию. В чем же различие в позиционном устройстве фонетической и орфоэпической закономерности?

Рассмотрим в качестве иллюстрации один из примеров действия орфоэпических закономерностей. Материал был получен в ходе серии экспериментов, во время которых дикторы — носители русского литературного произношения разного возраста и пола начитывали тексты, включающие анализируемые слова. Тексты были взяты из Национального корпуса русского языка¹ (www.ruscorpora.ru), они были достаточно большого объема (не менее 25 слов), что позволяло «замаскировать» рассматриваемые явления, не фокусируя на них внимания информантов.

¹ Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru> (14 марта 2008 г.).

Во всех текстах слова, содержащие анализируемые орфоэпические особенности, стояли в одинаковой слабой фразовой позиции.

Был рассмотрен вопрос о реализации фонемы /р/ твердым или мягким звуком в позиции перед [м']. Авторы «Орфоэпического словаря русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова указывают, что «по старым нормам русского литературного произношения согласный [р] перед мягкими зубными и губными смягчался. Такое произношение встречается и сейчас, но как устарелое в словаре не отмечается» [Аванесов 1989: 673]. Во всех случаях «Орфоэпический словарь» рекомендует твердое произношение звука [р] в позиции перед мягким [м'].

Но результаты эксперимента показали, что соотношение твердых и мягких вариантов по отдельным словам весьма различно (в скобках указан процент мягких реализаций): *армѣйский* (28 %); *армия* (14 %); *вермишѣль* (28 %); *герметический* (16 %); *кормилец* (22 %); *кормило* (0 %); *кормить* (12 %); *мармелад* (0 %); *пермяк* (32 %); *супермен* (0 %); *форма* (0 %).

Чем обусловлен разброс результатов? Что это — случайное распределение звуков или за этими данными стоит определенная система? Тщательный анализ позволяет определить, что реализация первого звука в сочетании *рм'* не случайна, а зависит от совокупности фонетических, морфологических и лексических факторов [Каленчук 2007; Касаткин 2012]:

- от положения рассматриваемого сочетания по отношению к ударению: после ударного гласного/перед ударным гласным/между безударными звуками (*армия* — *армѣйский* — *вермишѣль*);
- от качества предшествующего гласного (после гласного непереднего ряда увеличивается процент произнесений с твердым звуком, после гласного переднего ряда — с мягким (ср. *мармелад* — *вермишѣль*);
- позиция перед мягким звуком во всех формах слова поддерживает произношение мягкого [р'], позиция перед мягким звуком в отдельных формах слова — твердого [р] (ср. *армия* — *форма*);
- в частотных словах вероятнее мягкий [р'], в более редких словах — твердый (ср. *вермишѣль* — *герметический*).

Чем материал в рассмотренном примере (твердость/мягкость первого звука в сочетании *рм'*) отличается от формулирования фонетической закономерности? Как представляется, различие в следующем:

1. Реализация фонемы при действии *фонетического закона* стопроцентно предсказывается только фонетической позицией (напр., фонема /н/ в позиции перед долгим мягким [ш:] реализуется мягким звуком — *же[н']щина*).
2. Все указанные факторы, влияющие на реализацию первой фонемы в сочетании *рм'*, действуют не изолированно, а одновременно. В одних случаях направление их влияния совпадает, что увеличивает процент одинаковых реализаций, в других оно разнонаправленно. При этом должна быть выявлена и описана иерархия факторов.

Реализация фонемы при действии *орфоэпической закономерности* вероятно предсказывается целым рядом факторов разного характера, которые ранее было предложено называть орфоэпическими позициями [Каленчук 1993]. «Если

признать, что фонетическая позиция — это условия, определяющие функционирование фонем, то в формулировку позиции надо включать любые языковые факторы, способные предопределять реализацию фонемы тем или иным звуком — фонетические, лексические, грамматические, словообразовательные, графические» [Каленчук, 2000: 31]. Под орфоэпической позицией при таком подходе следует понимать действие «любых факторов, которые могут влиять на реализацию одной и той же фонемы разными звуками при условии тождества фонетических позиций» [Каленчук 1993].

Признание того факта, что орфоэпические закономерности устроены позиционно, заставляет вновь обратиться к вопросу о различии между фонетикой и орфоэпией. В рассмотренном выше примере фонетическая позиция сама по себе не определяет реализацию фонемы; она во всех случаях одинаковая — перед звуком [м']. Орфоэпические позиции детализируют фонетическую позицию, «расщепляя» фонетическую закономерность.

* * *

Лингвисты обычно обсуждают **различия** между фонетическим и орфоэпическим материалом. А если поставить вопрос по-другому: что **общего** между фонетикой и орфоэпией? Общее то, что оба эти участка звуковой системы русского языка устроены позиционно [Каленчук 2015]. При этом они отличаются статистической вероятностью появления конкретного звука при реализации фонемы. Следует иметь в виду, что стопроцентный результат — это частный случай проявления производительной закономерности, а следовательно, фонетическая позиция — частный случай орфоэпической позиции.

Нельзя не думать о том, что закономерность, которая сегодня представляется безысключительной, т. е. «фонетической», может оказаться «орфоэпической», дающей варианты произношения либо при развитии самого языка, либо при углублении наших знаний о его устройстве. Например, одними из самых устойчивых закономерностей русского произношения являются правила синтагматики глухих и звонких согласных: перед шумным глухим звонкий заменяется глухим (*ска[з]áть* — *скá[с]ка*), перед шумным звонким глухой заменяется звонким ([с] *тащítь* — [з] *гоня́ть*). Говоря иначе, не могут стоять рядом два звука, различных по глухости-звонкости. Но Р. Ф. Касаткина показала, что на стыке слов или на стыке основ сложного слова возможно сочетание глухого шумного со звонким, если первый компонент просодически выделен сильнее, чем второй [Касаткина 2000; Скачедубова 2008]. И закономерность из абсолютно строгой, всегда описываемой как фонетический закон, превратилась в вероятностную, регулируемую действием просодического фактора. И такого рода примеров можно привести достаточно много, что демонстрирует условность границы между фонетическими и орфоэпическими фактами.

Все ли производительные явления устроены позиционно? Нет, не все. Существуют некоторые факты, не поддающиеся позиционному анализу. Это случаи, когда тот или иной вариант произношения «привязан» к определенному слову или, реже, к морфеме и найти позиционную логику распределения звуков не удастся (напр., твердость-мягкость согласной фонемы перед /э/).

Исходя из всего сказанного выше, можно предложить такое описание звукового строя русского языка, при котором произносительные закономерности делятся не на **фонетические** и **орфоэпические**, а на **позиционные** и **непозиционные**. Понятия фонетической и орфоэпической позиции можно либо объединить в единое понятие произносительной позиции, либо, сохранив понятия фонетической и орфоэпической позиции, считать первые частным проявлением вторых, что снимает вопрос о различиях между фонетикой и орфоэпией [Каленчук 2015].

Словари и энциклопедии

- Аванесов 1979 — Аванесов Р.И. Орфоэпия. *Русский язык. Энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1979. 431 с.
- Аванесов 1989 — *Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы*. С.М. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова (сост.). Р.И. Аванесов (ред.). 5-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1989. 703 с.
- Вербицкая 1990 — Вербицкая Л.А. Орфоэпия. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Наука, 1990. 685 с.

Литература

- Вербицкая 1976 — Вербицкая Л.А. *Русская орфоэпия*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 113 с.
- Каленчук 1993 — Каленчук М.Л. *Орфоэпическая система русского литературного языка*. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1993. 417 с.
- Каленчук 2000 — Каленчук М.Л. О расширении понятия позиция. В кн.: *Фортунаровский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию московской лингвистической школы 1897–1997 гг.* М.: УРСС, 2000. С. 27–32.
- Каленчук 2007 — Каленчук М.Л. О позиционном подходе к описанию произносительных явлений. В сб.: *Материалы V Международной научной конференции «Фонетика сегодня»*. М.: Наука, 2007. С. 90–92.
- Каленчук 2015 — Каленчук М.Л. О позиционном подходе к описанию произносительных явлений. *Русский язык в научном освещении*. 2015, 2 (30): 9–21.
- Касаткин 2012 — Касаткин Л.Л. Орфоэпические правила. В кн.: Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. *Большой орфоэпический словарь русского языка: Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты*. Л.Л. Касаткин (ред.). М.: АСТ-пресс, 2012. С. 938–1000.
- Касаткин 2014 — Касаткин Л.Л. *Современный русский язык. Фонетика*. М.: Академия, 2014. 271 с.
- Касаткина 2000 — Касаткина Р.Ф. Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последнее десятилетие. В сб.: *Слово в тексте и словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю.Д. Апресяна*. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 132–141.
- Моисеев 1970 — Моисеев А.И. Орфоэпия, ее предмет и место среди лингвистических дисциплин. В сб.: *XII научно-методическая конференция Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка*. Л.: Высшая школа, 1970. С. 56–64.
- Моисеев 1980 — Моисеев А.И. *Русский язык: Фонетика. Морфология. Орфография*. М.: Просвещение, 1980. 255 с.
- Николаева 1964 — Николаева Т.М. И все-таки она хорошая. М.В. Панов (рец.). *Русский язык в национальной школе*. 1964, (3): 88–92.
- Панов 1979 — Панов М.В. *Современный русский язык. Фонетика*. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
- Реформатский 1947 — Реформатский А.А. *Введение в языковедение*. М.: Учпедгиз, 1947. 189 с.
- Реформатский 1967 — Реформатский А.А. *Введение в языковедение*. М., Наука, 1967. 262 с.
- Скачедубова 2008 — Скачедубова Е.С. *Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 16 с.

- Скребнев 1961 — Скребнев Ю. М. К вопросу об «ортологии». *Вопросы языкознания*. 1961, (1): 140–142.
- Реформатский 1987 — Реформатский А. А. *Лингвистика и поэтика*. М.: Наука, 1987. 129 с.
- Ушаков 1995 — Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи. В кн.: Ушаков Д. Н. *Русский язык*. М.: Просвещение, 1995. С. 155–177.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2020 г.
Статья рекомендована в печать 10 сентября 2020 г.

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
ruslang@ruslang.ru

Phonetics and orthoepy: Status, object and tasks of two disciplines

For citation: Kalenchuk M. L. Phonetics and orthoepy: Status, object and tasks of two disciplines. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (4): 571–581.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.405> (In Russian)

It is known that two linguistic disciplines — phonetics and orthoepy — coexist on the sound level of the Russian language. The question of the relationship between the status, object and tasks of these sections as independent linguistic disciplines is debatable. In the works of modern scientists, two main approaches to the definition of phonetics and orthoepy can be found. Some linguists traditionally believe that both sections of the science of spoken speech study the same language material, but from different angles. Others attempt to differentiate the areas of responsibility of phonetics and orthoepy, showing that they operate in principle with different sound facts. The article formulates and analyzes these points of view and offers a new approach that allows not to contrast phonetics and orthoepy, but to combine them on the basis of the principle of positional structure. The implementation of a phoneme under the action of an orthoepic regularity is probabilistically predicted by a number of factors of different nature — phonetic, lexical, grammatical, word-forming, graphic and sociolinguistic, which were previously proposed to be called orthoepic positions. These factors do not operate in isolation, but there is a complex hierarchical system of relationships between them. It is possible to provide a description of the sound system of the Russian language, in which pronouncing patterns are divided not into phonetic and orthoepic, but into positional and non-positional. The concepts of phonetic and orthoepic positions can either be combined into a single concept of pronouncing positions, or, while preserving the concepts of phonetic and orthoepic positions, the former can be considered as a particular manifestation of the latter, which removes the question of differences between phonetics and orthoepy.

Keywords: sound speech, phonetics, orthoepy, norms of pronunciation.

References

- Вербицкая 1976 — Verbitskaia L. A. *Russian orthoepy*. Leningrad: Leningrad University Press, 1976. 113 p. (In Russian)
- Каленчук 1993 — Kalenchuk M. L. *Orthoepic system of modern Russian language*. Thesis for Doctor of Philology. Moscow, 1993. 417 p. (In Russian)
- Каленчук 2000 — Kalenchuk M. L. About expanding the concept of position. In: *Fortunatovskii sbornik: Materily nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly 1897–1997*. Moscow: URSS Publ., 2000. P. 27–32 (in Russian)

- Каленчук 2015 — Kalenchuk M. L. On the positional approach to the description of pronouncing phenomena. *Russkii iazyk v nauchnom osveshhenii*. 1915, 2 (30): 9–21 (In Russian)
- Касаткин 2012 — Kasatkin L. L. Orthoepic rules. In: Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoj orfojepicheskiy slovar' russkogo jazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ejo varianty*. Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: AST-press Publ, 2012. P. 938–1000. (In Russian)
- Касаткин 2014 — Kasatkin L. L. *Modern Russian. Phonetics*. Moscow: Akademia, 2014. 271 p.
- Касаткина 2000 — Kasatkina R. F. About changes in the prosodic system of the Russian literary language of the last decade. In: *Slovo v tekste i slovare: Sbornik statei k 70-letiiu akademika Iu. D. Apresiana*. L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. P. 132–141. (In Russian)
- Моисеев 1970 — Moiseev A. I. Orthoepy, its subject and place among linguistic disciplines. In: *XII nauchno-metodicheskaja konferentsiia Severo-zapadnogo zonal'nogo ob'edineniia kafedr russkogo iazyka*. Leningrad: Vysshaja shkola Publ., 1970. P. 56–64. (In Russian)
- Моисеев 1980 — Moiseev A. I. *Russian language: phonetics, morphology, spelling*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1980. 240 p. (In Russian)
- Николаева 1964 — Nikolaeva T. M. M. V. Panov (Rev.). Still, it's a good one. *Russkii iazyk v natsional'noi shkole*. 1964, (3): 88–92. (In Russian)
- Панов 1979 — Panov M. V. *Modern Russian language. Phonetics*. Moscow: Vysshaja Shkola Publ., 1979. 255 p. (In Russian)
- Реформатский 1947 — Reformatskii A. A. *Introduction to linguistics*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1947. 189 p.
- Реформатский 1967 — Reformatskii A. A. *Introduction to linguistics*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1967. 262 p.
- Реформатский 1987 — Reformatskii A. A. *Linguistics and poetics*. Moscow: Nauka Publ., 1987. 129 p. (In Russian)
- Скачедубова 2008 — Skachedubova E. S. *Features of pronunciation of complex and compound words in modern Russian literary language*: Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Moscow, 2008. 16 p. (In Russian)
- Скребнев 1961 — Skrebnev Ju. M. On the question of “orthology”. *Voprosy iazykoznanii*. 1961, (1): 140–142. (In Russian)
- Ушаков 1995 — Ushakov D. N. Russian orthoepy and its tasks. In: Ushakov D. N. *Russkii iazyk*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1995. P. 155–177. (In Russian)

Received: May 10, 2020

Accepted: September 10, 2020